

Леон Дэмьен

И ХРЮКОТАЛИ
ЗЕЛЮКИ

Леон Дэмьен
И хрюкотали зелюки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29610640

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2635-0

Аннотация

Мини-роман. Воспоминания о безоблачном детстве. Содержит нецензурную брань.

ПРОЛОГ

Привет, ребята! Самое главное – это начать, как говаривал мой Батюшка. Кстати, о Батюшке. Не так давно (а точнее, в прошлую пятницу, а сегодня среда – вот и считайте) на 63-м году жизни ему отхватили три четверти желудка, т.е. вырезали язву 12-перстной кишки. Надо же! Сорок пять лет она его грызла, приступы продолжались с завидной периодичностью каждый год, весной и осенью (кстати, эту болезнь он «подарил» мне в наследство, но меня обострения мучили в 17-20 лет, не такие сильные и в основном летом, а потом потихоньку сошли на нет – и язва зарубцевалась, тьфу-тьфу!), а в последнее время все сильнее и продолжительней; но по совету своего младшего брата-медика с операцией он не спешил, тянул до последнего, ибо каждому овощу свой черед. И вот три недели назад его так круто прихватило, что пришлось вызывать «скорую», везти бедолагу в больницу и т.д. Такие дела.

Однако я отвлекся. При чем тут Батюшка, я ведь собрался писать повесть не о нем, а о своем детстве, если вы еще не поняли. И как я уже упоминал, главное – это начать. Задумка у меня возникла еще месяца два назад (после того, как сам не знаю, почему перечитал «Детство» Горького), да никак не мог приступить: то бесконечно исправлял вкладыши для своих магнитоальбомов, то подоснову для жены раскрашивал, то избранные песни печатал, то еще что-нибудь...

К тому же я стараюсь сидеть за компьютером не более четырех часов в день – глаза надо беречь. Наконец, в одно не очень прекрасное (потому что небывало холодное для середины мая) утро я решился, открыл новый файл и... напечатал «Привет, ребята!». О чем писать дальше, я понятия не имел, однако... собрался с мыслями, почесал в затылке – и начал! Потому что это – главное (см. выше).

Так, опять я отвлекся. Впрочем, таков мой стиль (если в данном случае вообще можно говорить о существовании какого-то стиля, ибо писатель из меня как из дырявого сапога – дуршлаг), я никогда не продумываю текст заранее, а пишу все, что в голову взбредет, постоянно уклоняясь от основной темы. Да это и не важно, ведь я пишу эту повесть только для себя, совершенно не рассчитывая на то, что когда-нибудь кто-нибудь рискнет ее издать. В самом деле, кому это интересно? Читать воспоминания о розовом детстве какого-то никому не известного «Васи», человека не выдающегося и ничем не примечательного, обыкновенного обывателя, прожившего обычную серую жизнь – кому это надо? Хотя, если подумать, моя судьба была достаточно неординарна, было много яркого и интересного, а уж детство было просто «сказочным». Потому я и взялся за перо (в данном случае, сел за клавиатуру), что с годами воспоминания тускнеют и стираются из памяти – а мне так не хочется забывать те золотые времена. Э-эх, годы, годы...

И какой же вывод следует из всей этой бодяги, может

спросить докучливый чи-татель? Э-э, по-о-дождите, не-е спешите! Это все *преамбула*, а вот когда начнется *ам-була* (изящный плагиат, не правда ли?) – тогда все вопросы выскочат из ваших бес-толковых голов как пробка из бутылки Шампуня!

Ладно, действительно пора заканчивать это Вступление, и так уже второй день сижу, мозги напрягаю (аж голова заболела – правда, вчера вечером жена пивком по-баловала – нет, постоит, пиво мы пили еще в понедельник /суббота не в счет, само собой, тут без баллона «Медового» не обойтись/ – а вчера я днем разливного хлебнул кружечку /вспомнил молодость/, а вечером... впрочем, неважно); а дело продвигается очень медленно. Но раз уж взялся за гуж – куда деваться? И хоть я не перестаю повторять, что писатель я липовый – давно пора начинать (ведь это главное, верно?) мою правдивую Повесть о безоблачном Детстве...

17-18 мая 2000 г.

1

Итак, начать придется все же с моего Батюшки. Уж не знаю, как так случилось, но родился он в городе Рыбинске, где до войны жили его родители. Моя бабушка, Ирина Анто-ниновна (в дальнейшем я буду называть ее Баба Ира) вскоре развелась с мужем и вновь вышла замуж за человека, которого по странному (и такое бывает) стечению обстоятельств,

звали Иван Антонинович (далее – Дед). После войны они переехали в Башкирию, в город Октябрьский – один из многочисленных только что построенных центров добычи нефти и газа. А так как оба они были геодезистами, то их с удовольствием взяли на преподавательскую работу в Нефтяной Техникум – самое «крутое» учебное заведение города. Там они и проработали до пенсии. В конце 40-х у них родились дети: сначала Антон, потом Маша; и Батюшка оказался в положении ненужного для Деда пасынка.

Надо отметить, что Дед обладал весьма ехидным и желчным характером, любил недобро пошутить и попрекнуть куском хлеба, но и Батюшка тоже за словом в карман не лез – короче, подробностей я не знаю, но, по словам Батюшки к концу 10-го класса Дед его настолько «достал», что после выпускных экзаменов он «вылетел из родительского гнезда как пробка». Ему было все равно куда ехать – лишь бы уехать. И за-несло его аж в Питер, в Мореходное училище, что кажется теперь просто невероятным, учитывая свободолюбивый характер моего родителя. Понятное дело, не прошло и года, как батяня осознал, что занесло его явно не туда, и он начал предпринимать героические попытки «соскочить». Недолго думая, он решил закосить на язву, разыгрывал прилюдно острые приступы, добился обследования; а перед рентгеном проглотил кусок сырого мяса на ниточке, привязанной к зубу – а поскольку гастроскопию тогда еще не применяли, то врачи просто встали на уши! Впрочем, яз-

ва-то у него оказалась самая настоящая, и комиссовали папаню вчистую без всяких там волчьих билетов и прочих «преlestей». Батюшка вздохнул свободно, однако ребром встал вопрос: а что же дальше? И тут он отколол еще более невероятный фортель.

А именно: собрал он пожитки да и рванул в Москву. И напрямик в МГУ. А по-скольку уже заканчивался август, и вступительные экзамены были позади, то он пошел прямо к ректору и так запудрил ему мозги, что тот совершенно обалдел и разрешил сдать Батюшке экзамены «экстерном» – и Батюшка так лихо это сделал, что его приняли сразу аж на второй курс!!! Во как! Кому расскажешь – не поверит. Однако, так оно и было (кто не поверил – спросите у Батюшки).

Ну, и началась учеба и веселая студенческая жизнь. Время было хорошее, конец 50-х, «оттепель», фестиваль молодежи, дешевые пивные на каждом углу и т.д., но по-скольку подробностей я не знаю – то буду краток. Вскоре Батюшка познакомился с моей будущей матушкой (что было не так уж сложно, ибо она как уроженка Чебоксар тоже жила в общежитии), через некоторое время они поженились – а тут и я родился! Все по правилам! И свои первые четыре месяца я провел в Доме Студента, как официально называется здание со шпилем на Воробьевых горах. А потом, недолго думая меня сплавил в Октябрьский – надо было заканчивать учебу, куда деваться. С этого, собственно, и начинается мое Розовое Детство, отдельные эпизоды которого я вспоминаю лет с пя-

ти или чуть пораньше. Хотя самое первое воспоминание у меня связано с Москвой: будто бы мы с Батюшкой гуляем по территории МГУ, и он высоко подкидывает небольшой мячик, тот падает и катится вниз по зеленому склону – эпизод буквально секундный, ведь было мне тогда всего...

Но вернемся в Октябрьский. Дед с Бабой Ирой получили огромную трехкомнат-ную квартиру в пятиэтажном «сталинском» доме в центре города. Впрочем, огромной она мне казалась тогда, когда я сам был маленьким, а позже я осознал, что это обычная «распашонка». Две комнаты средних размеров, третья – смежно-проходная – поменьше, длинный и не особо широкий коридор буквой «Г», упирающийся в небольшую кухню, отдельный санузел – все достаточно просто, но что ценно: толстые кирпичные стены и перегородки (слышимость почти нулевая, не то, что в нынешних коробках), высокие потолки (тот пятиэтажный дом по высоте равен современной девятиэтажке), кладовка, два встроенных шкафа вдоль коридора и наличие стенового кухонного «морозильника». Что это такое, спросите вы? Поясняю. Стена под окном от пола до подоконника – полая, оставлена лишь стенка в один кирпич со стороны улицы и в ней просверлено отверстие, а из кухни – дверцы и полки внутри. Вот тебе и морозильник! Естественно зимой, когда мороз. Да и летом там спокойно можно держать всякие соленья-варенья. Но хватало и недостатков.

Во-первых, стены были просто оштукатурены и до сере-

дины высоты покрашены масляной краской (а кто и когда изобрел обои, вы не знаете?); во-вторых, пол был не паркетный и не линолеумный, а обычный дощатый и местами скрипел; в-третьих, не было горячей воды, а громоздкая газовая колонка висела над ванной, поэтому помыться проблем не было, а вот для мытья посуды воду приходилось греть в чайнике. И, в-чет-вертых, в доме не было лифта. Зато был полуподвал, состоящий из системы коридоров и кладовых – по одной на каждую квартиру. По-моему, идея замечательная! Ну, где еще можно квасить капусту, солить огурцы, хранить картошку и т.п.? Нет, подвал – это вещь незаменимая (конечно, если не живешь в деревенском доме с погребом). Ну и поскольку крыша была не плоская, а двускатная, то и чердак имелся в наличии, где некоторые хозяйки сушили белье. Но и во дворе это можно было делать совершенно спокойно, ибо в те времена никому и в голову не могло бы придти, что кто-нибудь попытается это белье украсть.

Семья у нас была довольно большая: Дед, Антон, Маша, Баба Ира, ее матушка Баба Лида и бабушка Баба Аня, которая мне приходилась аж прапрабабушкой. Ей уже перевалило за 90, и целыми днями она сидела в кресле, одетая в старинный халат и капор, изредка вставая и мелкими-мелкими шажками, опираясь на палку да держась за стенку, доходила до туалета и обратно. Мне было года 3-4, когда она умерла, но я ее помню. Мы с бабой Лидой жили вместе с ней в дальней комнате, выходящей окнами во двор, большую часть ко-

торой занимали две огромные старинные кровати, садиться на которые днем не разрешалось никому кроме меня (но я в основном прыгал на них как на батуте); Дед и баба Ира обитали в проходной комнате (там кроме кроватей стояли стол и книжный шкаф); а Антон с Машей жили в гостиной (хотя возможно кто-то из них ночевал в нашей комнате, ибо в гостиной стоял только один раскладной диван, кроме двух столов и второго шкафа).

Так мы и жили, а когда мне исполнилось два года, Батюшка с Матушкой благо-получно закончили МГУ и на три года умотали в Африку – учить негров грамоте. Как им так подфартило, не знаю до сих пор, ведь для этого надо было изучить французский язык почти в совершенстве. Впрочем, они и английским владели достаточно хорошо (а я не могу выучить до сих пор). Воспитывала меня в основном баба Лида (поскольку была на пенсии), кормила-поила, одевала-обувала и водила гулять, а иногда и порола ремнем за какие-нибудь провинности. Впрочем, гулять ей помогали все обитатели нашего двора и делали они это с большим удовольствием. Надо отметить, что в те времена люди были совсем другими и жили по-иному, особенно в провинции. Это сейчас мы едва ли знаем ближайших соседей по лестничной площадке, да и то в лицо, а не по имени; а уж кто живет на других этажах или в других подъездах (я уж не говорю про соседние дома) – понятия не имеем, а самое главное, что и не хотим никого знать. А в маленьком Октябрьском с населением в 100 тысяч

обитатели одного двора хорошо знали друг друга, и не только знали, но дружили и общались, и ходили в гости, по делу и просто так, за солью и за хлебом; предварительно звонить было не принято (впрочем, телефонов тогда было очень мало, в нашем доме они стояли, может быть, в двух-трех квартирах, включая нашу); многие днем даже не закрывали на замок входные двери, подвалы и чердаки никогда не запирались, потому что ни жуликов, ни бомжей просто не было. Нет, жулики и воры существовали, конечно, во все времена, но ни одной квартирной кражи в нашем районе я не припомню. А убийства и драки были, но об этом – позже.

Естественно, народ кучковался по группам: автолюбители, пенсионеры, домо-хозяйки, молодежь и т.д., но все равно существовала какая-то незримая единая суб-станция, которую можно было назвать «*наш двор*». И каждый квартал или группа кварталов имели свое неофициальное название, но прежних вражды и соперничества как в 40-50-х между ними уже не существовало, и такие фразы как «ты в наш двор не ходи» или «по нашей улице не проходи» мне пришлось услышать лишь пару-тройку раз, да и то гораздо позже. А пока я был маленьким, дальше нашего двора меня и не выпускали; а когда я подрос и мог гулять самостоятельно, то бдительная баба Лида сидела у окна и внимательно следила за тем, чтобы я никуда не убежал; а я периодически подбегал под окно и кричал: «Бабуля! Кинь мячик!» или «Вьнеси велосипед!»; а она звала меня домой, высовываясь в форточку.

Воспоминание. Мне – лет пять, а Батюшка, только что вернувшийся из Африки, привез мне в подарок такую игру: три попугая сидят на жердочке, и их можно сбивать, стреляя из игрушечного пистолета короткой стрелкой с липучкой. Помню, вся семья собралась за большим столом в гостиной, Батюшка достал попугаев и поставил их на край стола (а напротив меня сидели Дед и Маша), и я уж зарядил пистолет, но тут Маша как бы в шутку сказала: «Ты только Деду в глаз не засвети!», все посмеялись, но Баба Ира вдруг спохватилась: «А вдруг и правда засветит? Иди-ка ты в другую комнату!» И меня вместе с попугаями переплавили в соседнюю комнату, где я и начал тренироваться в стрельбе. Тогда я еще не соображал, как правильно надо целиться, держал пистолет на уровне живота, согнув руку в локте, и никак не мог понять, почему стрела летит гораздо выше. Позднее я приноровился и стрелял без промаха, но попугаи мне постепенно наскучили, и со временем куда-то растерялись, и я с удовольствием стрелял куда попало: в стены, двери, кота Борьку и т.п. – естественно, когда никто не видел.

2

Октябрьский – город уникальный по своей планировке. Он и расположен весьма оригинально, на правом берегу речки Ик (небось, и не слыхивали о такой?), которая впадает в Каму, и по которой проходит граница между Башкирией

и Татарией. То есть город-то башкирский, но татар в нем живет гораздо больше, как мне кажется. По край-ней мере, в нашем классе татары составляли процентов 70-80, я это узнал совершенно случайно, когда мне в руки попал классный журнал. Для русского человека что татары, что башкиры – все едино, и имена и рожи у них совершенно одинаковые; а я никогда не интересовался, кто есть кто из моих друзей-приятелей. Да это и не важно было, в те времена все жили мирно и дружно, не было никаких разногласий на национальной почве, никакого землячества, никаких косых взглядов и намеков; и даже в драке ни один из соперников не позволили бы себе обозвать другого «татарской мордой» или «гребаным русским».

Еще одна особенность реки Ик – то, что она служит границей так называемых часовых поясов. То есть в Татарстане время московское, а в Башкирии – местное, два часа прибавляется. Из-за этой разницы мост через Ик – сооружение длиной едва ли 30 метров – в шутку называют «самым длинным мостом в Мире», ибо еслиходишь на него с татарской стороны, к примеру, в пять часов, перешел на ту сторону – уже семь! Два часа идешь, получается – вот какой мост! А на самом деле это было выгодно и удобно только для алкашей, которые после семи часов (если вы помните, водку тогда продавали до семи) имели возможность смотреть на ту сторону и приобрести желаемую влагу в ближайшем населенном пункте. Таких личностей называли «антисемитами»,

но существовала ли такая практика на самом деле, или это всего лишь хохма – я не знаю. Но то, что дорога в Татарии сразу за мостом становилась *уже* и хуже – это факт, известный всем автомобилистам.

Если быть точным, то город моего детства нельзя назвать речным городом, живописно раскинувшимся на крутом зеленом берегу (как, к примеру, Ярославль), и сам Ик – речка мелкая и узкая; и до первых домов от моста нужно идти минут десять, мимо деревни (ее жителей называли «*иковские*»), мимо роши и мимо небольшого, но чистого озера под названием Котлован, куда все ходили загорать и купаться. Тут и начинается город, сначала новый микрорайон с Дворцом пионеров, построенным в начале 60-х; потом квартал детсадов и яслей, расположенных по обе стороны длинного узкого парка (по-моему, он называется Парк Победы, но мы в нем никогда не гуляли). Парк упирается в задницу самого большого и монументального здания в городе – Горсовета, фасад которого выходит на главную городскую площадь, в центре которой зимой ставили огромную искусственную елку и строили ледяные крепости. Но центральным ядром Октябрьского все же считается не площадь, а проспект Ленина, начинающийся от площади и спланированный в виде широкого бульвара, завершаемого другой площадью поменьше. В начале проспекта, напротив Горсовета и лицом к нему стоит внушительный гранитный памятник дорогому Ильичу, естественно в кепке и с протянутой рукой. С левой

стороны площади (если встать лицом к Ленину) здания стоят полукругом, в них расположены почта, телеграф, еще что-то, а дальше длинная улица идет на север, пересекая еще одну площадь, на которой стоит спортивный центр с бассейном (за которым, в свою очередь, начинается Центральный Парк с качелями-каруселями и чертовым колесом), выходя к заводам и фабрикам, которые почти вплотную примыкают к предгорьям южного Урала. И где-то в этом районе находится стадион, но т.к. на нем я был всего один раз и очень давно, то точнее его расположение указать не могу.

Справа от площади разбит небольшой сквер, ведущий к еще одному солидному сооружению с колоннами в стиле сталинского ампира – так называемому Дому Техники. Почему он так называется, я не знаю до сих пор, но его ядро составлял концертный зал (помнится, я был там всего на одном концерте местной самодеятельности, хотя вокруг здания ходил миллион раз). А за Домом начинается еще один парк, наш любимый, который мы почему-то называли просто «Поляной» и ходили в него с удовольствием. Угловые дома по обеим сторонам площади завершаются красивыми башенками, а в том, что ближе к Дому Техники, расположен самый крупный городской ресторан «Девон», размером с небольшую московскую забегаловку.

На проспекте стоят самые высокие пятиэтажки, длиной чуть ли не с квартал, примерно посередине его пересекает ул. Лермонтова, южная часть которой выходит к главному

входу на Поляну, а северная упирается в рыночные ворота; вторая небольшая площадь образуется на перекрестке с ул. Губкина, свернув по которой налево, приходишь к Автовокзалу. На площади угловые дома не полукруглые, но украшены такими же башенками, в них находятся ателье мод, хозяйственный и большой спортивный магазины; а дальше проспект становится обычной улицей, но не утрачивает своего центрального значения, ибо следующая пересекающая его улица спланирована в виде большого полукруга, дуги которого начинается от ул. Губкина (одна от Автовокзала, другая – от ворот моего детсада); а еще через квартал его дублирует второй, еще более широкий полукруг, хвосты которого выходят уже на окраины города. И этот перекресток образует еще одну площадь, на которой расположен ЗАГС.

Далее по проспекту этажность домов уменьшается, только по левую сторону в начале 70-х выстроили новый микрорайон №50 из нескольких девятиэтажек, а направо и наискосок улица ведет к 25-му микрорайону, тоже более современному. Ну а если продолжать идти по проспекту Ленина, то через 2 или 3 квартала с левой стороны и будет стоять знаменитый Нефтяной техникум. И это уже считалось западной окраиной города, дальше расположен только комплекс больницы с санэпидемстанцией, а за ним – поворот направо к кладбищу. Это казалось так далеко – на автобусе надо было ехать, что ты! Кстати, на автобусе я не ездил никогда и поэтому не могу точно вспомнить, сколько маршрутов

мог тогда позволить себе наш городской бюджет: определенно был один, ходящий по проспекту от центральной площади до кладбища (по-моему, и сам автобус-то был «одна штука», ибо ездил он с интервалом не меньше часа), но возможность наличия еще одного, доезжающего по Губкина до Вахтовой, я не исключаю. Сам же Автовокзал вполне оправдывал свое назначение: довольно много маршрутов возили людей в окрестные деревни, поселки и на заводы, включая такие важные «центры» как Туймазы и Уруссу, где находились железнодорожные станции. И конечно же, более комфортабельные «Икарусы» регулярно отправлялись в столицу автономии Уфу (200 км. – 4 часа езды, не хухры-мухры) и в Аэропорт, расположенный, как ни странно, совсем недалеко от города, так что летать из Москвы на самолете было гораздо быстрее и удобнее, чем на поезде – и не намного дороже по тем временам (самолет-то АН-24, «этажерка»).

Кстати, в Уфе проживали две родные сестры Деда, тетя Лида и тетя Вера (для простоты их все называли Тетушками), и один или пару раз я у них бывал (почему-то очень яркое воспоминание: мы сидим на кухне и наворачиваем обалденно вкусные малюсенькие сосисочки – больше таких я не пробовал нигде), но ездили мы туда скорее всего на бабушкиной машине, ибо путешествие на автобусе я бы запомнил. А на самолете летать приходилось, но об этом позже.

Сразу за Поляной, на противоположной от центрального входа стороне (а значит, в черте города), расположен так

называемый Зеленый поселок с обычной одноэтажной деревянной застройкой; такие же деревянные дома стоят по улице, идущей от ворот моего детского сада к 18-му микрорайону, застроенному «хрущевками»; далее опять поселок – и дорога упирается в ворота колхозного Сада. Этот Сад представляет собой обширную территорию, разбитую на участки по шесть соток, но никаких дач или домиков на них строить не разрешалось. Только огород. Но небольшая будка для инвентаря и мелких хозяйственных нужд, конечно, имела место быть. Кстати, на нашем участке, как впрочем и на других, вызревали отличные сладкие помидоры без всяких там парников (что значит – континентальный климат!), но меня в то время мало волновали грядки с овощами (хотя всю зиму мы ели свою картошку с квашеной капустой), потому что я с удовольствием играл в «саранчу», с завидным аппетитом наворачивая клубнику, малину, вишню и многочисленные сорта смородины. Но самое ценное наше приобретение – это гигантская развесистая «ранетка», растущая напротив будки в центре участка. Яблочки на ней вырастали небольшие, продолговатой формы (как сливы) и темно-красного цвета – но такие вкусные, что ум отъешь! Терпкие, кисло-сладкие, сочные, с неповторимым ароматом – я просто балдел! И каждый год их было так много, что, бывало, смотришь на яблоню и не поймешь – красная она или зеленая, чего на ней больше: яблок или листьев. Я уплетал эти ранетки за обе щеки, а Дед чего только из них не делал: и варенье, и сок, и домашнее

вино – и все равно казалось, что конца им не будет. К концу лета я их уже не ел, а просто заталкивал в рот целиком, жевал, пил сок, а потом выплевывал мякоть с косточками. Ох, и вкуснотища была! И что примечательно: таких яблочек я не видел больше нигде, ни в садах, ни на рынках, и до сих пор я жалею, что несколько лет назад нашу уникальную «ранетку» спилили – то ли она засохла, то ли просто отжила свой век. Кроме нее на нашем огороде росла пара яблонь с обычными яблоками (я их и не ел почти) да еще одна белая «ранетка», почти такая же вкусная, но плодоносила она очень мало и редко (к тому же и сама яблонька была с гулькин нос); и только один раз за много лет все получилось наоборот: на красной яблоне плодов почти не уродилось, а белая вдруг выдала по полной программе – и уж тогда я наелся от пуза.

3

Наш дом стоит в самом центре проспекта Ленина, с правой стороны, если идти от памятника. Как я уже упоминал, он представляет собой длинную кирпичную пятиэтажку, метра на три от земли облицованную рустом, но есть в нем одна особенность: посередине в него встроен кинотеатр «Фонтан». Именно встроен, а не пристроен, он занимает три первых этажа, огромное фойе и два зала по бокам тянутся поперек здания и выносятся в наш двор в виде двадцатиметровой полукруглой пристройки. Вернее, стены плоские,

а торец полукруглый. А так как в этих стенах есть только полуподвальные окна из художественной мастерской да пара окон под крышей из кинобудки, то «свою» стену мы использовали как могли: то пинали в нее мячик, то ходили по узкому карнизу, тянущемуся по всему периметру на полутора-метровый высоте, а то швыряли шурупом с навинченной гайкой, начиненной серой от спичек – при удачном попадании эта «бомба» оглушительно взрывалась, а гайка с шурупами со свистом разлетались в разные стороны. А Батюшка с удовольствием ставил в углу свою машину, когда приезжал домой. Вход в «Фонтан», естественно, со стороны бульвара. И всех жителей нашего дома (и меня в том числе) называли «фонтановскими». Вот мне была лафа: вышел из подъезда, обошел дом – и в кино! Ну, ближе просто некуда. И билет стоил 20 копеек. Правда, на Губкина (по дороге к Вахтовой) находится детский к/т «Пионер», где билеты стоили 10 копеек, но и крутили там только мультики или детские фильмы. Я и туда ходил, но в самом раннем детстве, еще вместе с бабой Лидой. И еще «восьмое чудо света»: в фойе «Фонтана» стоял огромный телевизор с диагональю – боюсь соврать – ну, метра два (правда, черно-белый), крутили по нему всякие «Новости дня» и т. п. Такого я больше не видел нигде. Кстати, напротив входа в к/т, в середине сквера находится настоящий фонтан, и в летнюю жару детишки в нем с удовольствием плескались.

На пересечении Проспекта и первого уличного полукруга

стоит массивный ДК Строителей с киноконцертным залом, но туда мы почти не ходили – что ты, далеко! Еще один кинотеатр «Комсомольский» расположен с левой стороны забора, окружающего «Поляну», недалеко от входа, и туда мы иногда заходили; а в ДК Нефтяников, стоящим аж за рынком и даже ближе к комплексу гаражей (а за ним уже начинаются предгорья) я не ходил никогда. Хотя в гараж ходил с удовольствием.

Воспоминание. Мне – лет семь, я сижу в комнате, вдруг входит Антон и с хитрым видом манит меня пальцем. Я иду за ним, мы выходим на улицу, он таинственно молчит, но я соображаю, что мы идем в гараж. А надо сказать, что Батюшка в это время находился в Москве, а машину оставлял в Октябрьском, но Антону ездить не разрешал, поскольку прав у него не было, хотя водить он умел кое-как. Но Антон – не пай-мальчик, нашел ключи от машины и гаража – и решил прокатиться, и меня прихватить. Ну, мы сели и поехали куда-то в горы, подальше от ментов. Петляли там, петляли, Антоша разогнался на пустой дороге – да и чуть не скувырнулся в пропасть, его развернуло – еле успел ручником тормознуть! Самое интересное, что никакого страха я в тот миг не испытал, и только гораздо позже до меня дошло, что мы могли элементарно разбиться – и не читал бы тогда ты, мой читатель, эти воспоминания о Золотом Детстве, ибо все детство на этом бы и закончилось. Позже, когда мы с Батюшкой переехали в Москву, он свой старенький «Москвич» оставил

Антону в полное распоряжение, и тот рассекал на нем еще много-много лет.

Двор наш тоже в своем роде уникален. Сама площадка с беседкой, песочницей, бревном, столбами для бельевых веревок и т.п. с одной стороны ограничивается стеной «Фонтана», с другой – П-образным угловым домом, а с третьей к ней примыкает школь-ный двор, состоящий из огромного футбольного поля. А школа № 2 стоит в глубине, фасадом выходя на улицу, идущую мимо ворот «Поляны» к центральной площади и ресторану «Девон» (см. рисунок). В эту школу ходили и Антон и Маша после восьмого класса, а до этого они посещали школу № 15 – восьмилетку. Я до сих помню, как Тошка бегал по утрам в лютый мороз без шапки и без пальто, в одном пиджаке через двор напрямик – так это было близко. Зимой на поле ставили хоккейную коробку, заливали водой, и мы катались по льду еще на старинных коньках, нацепленных на валенки. Но почему-то никто никогда не играл на этом поле ни в футбол ни в хоккей. Школьный двор был отгорожен железобетонным забором, который потихоньку ломался, и к 80-м годам от него не осталось ничего. А баскетбольные щиты стоят до сих пор, ничего им не делается.

Соседний двор (с другой стороны «Фонтана») абсолютно симметричен нашему, в угловом доме находится аптека, а

торцом к нему стоит дом, в котором позже жили переехавшие из Уфы Тетушки. Тоже близко. Пройдя между этими двумя домами на ул. Губкина и перейдя ее, можно попасть во двор, граничащий с моим детским садом – таким путем я в него и ходил. В этом же доме расположен знаменитый магазин под названием «Мясо–молоко», но все его называли просто «Молочный», потому что мяса там не было никогда. Как сейчас помню: заходишь, справа – молочный отдел, где есть все: молоко (всегда разливное по 24 копейки за литр), сметана, творог, сыр, масло, маргарин и т.п., а слева, где должны быть мясо и рыба – пустой прилавок без продавца. Все равно продавать-то нечего! Так что мясо и птицу можно было купить только на рынке, но тогда это дорого стоило. Зато молоко мы покупали через день по три литра (в бидончик!), и с шести лет мне была доверена эта почетная обязанность. А основной продуктовый магазин «Урал» находится на Проспекте почти напротив кинотеатра, а хлебный – на Лермонтова около входа на рынок. А если в нем не было хлеба, приходилось топать на Чапаева аж за Горсовет.

Ну, что ж, приблизительное представление о нашем городке вы получили, теперь пришло время рассказать о моей дворовой компании. Следует с удовлетворением отметить, что мы действительно кучковались в нашем дворе, а по соседнему только про-ходили: в магазин, детсад, школу, на огород и т. д. Во дворы на другой стороне проспекта мы даже и не совались, а уж зайти на территорию «зеленовских»

или «ико-вских» было равносильно самоубийству. Хотя, как я уже упоминал, особой территориальной вражды у нас не существовало. Зато активно процветало попрошайничество, или уж не знаю, как это называлось. Но стоило лишь выйти на улицу, как обязательно подваливала компания и начинала «стрелять» мелочь. То ли денег на мороженое не хватало, то ли в этом был какой-то особый понт – не знаю. Но лично я, со своим детским щекастым лицом, маленьким ростом и толстеньким тельцем, постоянно становился объектом подобных нападков. Денег я, конечно, никогда не давал, рискуя нарваться на затрещину – но это было дело принципа, тем более что сам я не «стрелял».

Жил я в первом подъезде на третьем этаже, а на первом в первой квартире жил мой лучший друг и одноклассник Колька Костенко. На три года был младше его брат Сережка, но он всегда тусовался с нами, тот еще хулиган. И я, когда шел гулять, обязательно заходил за ними, зная, что они дома – ведь если бы они вышли раньше, то обязательно не поленились бы подняться за мной – так уж у нас было принято. Также вместе с нами проводили время Ильдус, Димон и Сырчик, за которыми специально мы не заходили. Хотя из моего дошкольного периода я отчетливо помню только Кольку с Сережкой, остальные проявились гораздо позже. Кроме них, у меня появились как бы «отдельные друзья детства», т.е. они общались со мной, а между собой – нет, хоть и знали друг друга. Первый – Рустик Мухаммедшин, который жил на четвертом

этаже и ходил со мной в одну садовскую группу. Позднее он переехал в дом, где находится «Молочный», и он был первый, к кому я ходил не с целью вытащить на улицу, а просто в гости – посидеть, погутарить. Вторым, принимающим меня как гостя, был Серега Герасимов, живший в соседнем дворе. Его матушка дружила с бабой Ирой, ну и мы познакомились и подружились. Но вместе мы почти никогда не гуляли. Третий – Борис Ширяев, тоже одноклассник, а позднее одноклассник. К слову сказать, и Колька с Сережкой, и Рустик, и Серега учились во второй школе, а я – в пятнадцатой. Видимо, это стало семейной традицией: отдавать детей в 15-ю, ибо директор школы жил в соседнем доме и был хорошим другом всей нашей семьи, да и со всеми учителями баба Ира была знакома. Итак, в саду была своя компания, в школе – другая, а во дворе – третья. Все свободное время мы проводили во дворе, играли в обычные детские игры, зимой с бабой Ирой мы ходили «на поляну» кататься на лыжах, но подробностей я не помню, да, собственно, тот период моей жизни еще не считается тем Золотым Детством, о котором я собираюсь рассказать в своей правдивой повести.

Воспоминание. Батюшка, каждое лето приезжавший из Мали в отпуск, рассказывал много интересного о своей тамошней жизни, но мне больше всего запал в душу рассказ об обезьянке Люлю, жившей у них на вилле. И так мне захотелось эту обезьянку, так я упрашивал Батюшку привезти ее с собой! Он и пообещал, чтоб я отвязался. И вот я,

захлебываясь от восторга, прожужжал всем уши в детском саду о том, что скоро вернутся мои родители и привезут живую обезьяну. И все мне завидовали черной завистью, а я ходил и гордился. И вот предки возвратились – и, конечно же, никого не привезли. Батюшка объяснил это тем, что в нашем климате Люлю просто не выживет. Моему горю не было предела! Однако я быстро утешился после того, как Батюшка решил придти к нам в сад и показать любительский фильм об Африке, который он снял на кинокамеру – и у меня опять появился повод задрать нос перед одноклассниками. Но без приколов не обошлось. Как сейчас помню тот день, я всем раззвонил, что вечером придет Батюшка с проектором и пленкой, а днем меня потянуло на подвиги – возбуждился, видимо. К фасаду нашего детсада примыкал довольно высокий стилобат с площадкой, обнесенной перилами, и в эти перила в углу была вмурована труба для стока дождевой воды. И вот мне что-то стукнуло в голову, я забрался на площадку – и решил пописать в трубу! За коим занятием меня и засекала воспиталка – а тут как раз Батюшка идет! Вот это был кадр! Понятное дело, меня наказали, и в то время, когда весь детсад смотрел кино, я стоял в углу. Ну и домашний нагоняй от Батюшки мне был обеспечен. Вот такая фенька приключилась.

Как я уже упоминал, мне было пять лет, когда мои родители вернулись домой – и сразу же подали документы на развод, ибо жить с таким человеком как мой Батюшка – пытка та еще; я в полной мере испытал это на своей собственной шкуре, но об этом позже. Не буду вдаваться в подробности, я все это помню крайне смутно: нервоотрепки, слезы, ссоры, бесконечные уговоры со стороны Матушки, увещевания со стороны бабушек, жесткие выпады Батюшки – все это тянулось бесконечно; Матушка успела выйти замуж, Батюшка поступил в аспирантуру и писал диссертацию, живя то в Москве, то в Геленджике, периодически наезжая в Октябрьский; я уже пошел в первый класс, когда наконец суд вынес постановление в пользу Матушки. Но... закон требовал для галочки спросить мнение ребенка, т.е. мое. И вот в один отнюдь не прекрасный день в нашей квартире собрались все: Матушка с мужем, Батюшка, Баба Ира и Баба Лида, моя учительница и представители суда. И меня спросили: «С кем ты хочешь жить?». А что я мог ответить? Я ведь своих родителей толком и не знал, семь лет прожил с бабушками, привык к ним, к своим друзьям, своему двору, и никуда уезжать мне не хотелось – и естественно, что я с трудом выдавил из себя: «Хочу жить с Бабой Иррой». А значит – не с Матушкой, и ушла она в слезах несолоно хлебавши. И хоть мне ее было очень жалко, и у нее в гостях я чувствовал себя очень хорошо – пересилить себя я не смог. И это была моя фатальная ошибка, как вы поймете позднее.

А теперь я хочу рассказать о человеке, сыгравшем в моей судьбе роль не меньшую, чем бабушки и Батюшка. Как вы уже догадались, речь пойдет о новом матушкином муже, которого звали Миша, но я его всегда называл Главным, потому что он действительно был главным во всем, и мы с Матушкой всегда говорили: Как Главный скажет, так и будет. Человеком он был замечательным, полная противоположность Батюшке, живущий по принципу «Все отдал – богаче стал», отлично общался и ладил с детьми, постоянно шутил и разыгрывал кого-нибудь и никогда никому не навязывал свою волю. Родился он в Минске, там же окончил школу и физкультурный институт, был мастером спорта по плаванию и «надеждой Белоруссии» в этом виде спорта; но после армии (а служил он в десанте) у него появилась мечта-идея: объехать всю страну от Минска до Сахалина. И он двинулся на восток, добрался до Октябрьского (его пригласил туда его армейский друг Борташевич) – да там и зацепился. Еще бы: его сразу взяли тре-нером юношеской сборной, нападающим в местную ватерпольную команду и выделили двухкомнатную квартиру, правда, на окраине, почти возле Котлована. Самое смешное, что Батюшка сразу же познакомился с Мишей и почти подружился (Батюшка вообще знал всех и вся, постоянно плавал в Бассейне, а главный акробат города дядя Саша Громов был его лучшим другом), и именно он, судя по его рассказам, помог выбить эту квартиру, потому что главная архитекторша Октябрьского была,

естественно, с ним в прекрасных отношениях.

Возможно, впоследствии Главный двинулся бы дальше, но... встретил Матушку, и не успел я оглянуться, как они поженились – и именно в ту квартиру я ходил к ним в гости на Уикенд. Кстати, Миша был младше Матушки на шесть лет, но разница в возрасте им нисколько не мешала, а еще он хорошо пел под гитару, и в будущем он стал моим первым музыкально-вокальным учителем. И плавать он меня научил, хотя первые уроки мне преподавал Батюшка.

Воспоминание. Мы вместе с Матушкой пришли в Бассейн смотреть матч между местной и приезжей командами, и сидим не на трибуне, а как «свои люди» внизу, у самого бортика, на скамеечке. Ватерполисты, как положено, выстроились в линию у ворот, справа от нас Миша – в самом центре, судья свистит и бросает мяч в воду, пловцы срываются с места и плывут что есть силы – но Главный всегда на какую-то долю секунды опережает соперников, первый забирает мяч и отдает пас своим. И никто никогда не мог его опередить. И вот в очередной раз он забирает мяч – и сразу бросает его в ворота через полбассейна! И забивает гол – растерявшийся вратарь даже рот не успел открыть! Вот это был финт! Я так восхитился, что заорал и забил в ладоши, подпрыгнул на скамейке и со всего размаху саданулся затылком о кафельную плитку, покрывавшую стену. Ох, и больно же было, слезы навернулись на глаза – но я сжал зубы и терпел, а игра продолжалась, и наши как всегда выигрывали.

Конечно, были у Главного и свои недостатки. Например, он с трудом сходился с незнакомыми людьми, а уж если кто нравился – то сразу и на всю жизнь. Поэтому и друзей у него было немного, да и те почти все со временем порастерялись. На работе он ни с кем близких отношений не поддерживал, и сколько общительная Матушка не приводила в гости своих подруг и не таскала его к ним на Дни Рождения – так они и остались «за бортом». И если кто-то из бывших знакомых звонил, то Матушка брала трубку, а Миша заявлял: «Я таких не знаю!» и сам никогда не звонил. Еще он периодически обижался на Матушку из-за всяких пустяков (как она считала), и при этом замыкался в себе на три-четыре дня, а иногда и на неделю, приходил с работы, ложился на диван, открывал книгу – и молчал. Просто молчал, не говорил ни слова, а Матушка суетилась вокруг него, хлопотала, подносила еду и т.д. Меня нет – так он сам это называл. Если в этот момент я к ним приезжал, то его поведение не менялось (хоть я, понятное дело, ничем не мог его обидеть), но если приходили гости – с ними он вел себя как обычно. И это, конечно, были весьма неприятные эпизоды. А в остальное время общаться с Мишей было одно удовольствие, и я в нем просто души не чаял. Он постоянно меня разыгрывал, шутил, придумывал разные игры; мы с ним рисовали, загадывали друг другу ребусы и писали стихи (как вам, к примеру, такие опусы: «Наш прославленный ковбой дрожит от щели за шкафом» или «А

у Миши за щекой таракан нашел покой» или «Миша лопал колбасу, ковыряясь в носу»?), иногда я ездил с ним на рыбалку (он был заядлым рыболовом), в бассейн я приходил (в Октябрьском) и приезжал (позже, в Питере) почти каждый день – короче, веселились как могли.

А что же твой Батюшка, спросите вы, был, наверное, страшным монстром? Да нет, конечно, в любой компании он был лидером, своим в доску, балагурил и пел песни под гитару; легко шел на контакт, заводил новые (в основном, нужные) знакомства, упорно добивался поставленной цели; умел охмурить, повлиять, пустить пыль в глаза, доказать свою правоту (а он всегда считал себя правым) – но это только на людях, а в семье его подлинная натура периодически вылезала наружу.

Воспоминание Матушки. Мне было, наверное, лет 10-12, когда она рассказала мне эту историю. Как вы помните, поженившись, они продолжали учиться в МГУ и жили там же, и есть ходили в так называемую Студенческую столовую, что расположена на первом этаже в зоне Б (где они обитали). А напротив расположена еще одна небольшая столовая, которую все называли «закусочной», ибо первых блюд в ней не подавали, а на второе предлагалось «фирменное блюдо» – пельмени (со сметаной или с маслом по цене 34 и 31 коп. соответственно). А поскольку в Студенческой днем всегда выстраивались огромные очереди, то мои предки как-то зашли в Закусочную, взяли пельмени, то-се, а Ба-

тюшка, как язвенник, прихватил полстакана сметаны (была такая фишка, если вы помните). Сели они за столик, и Матушка, простая душа, взяла стакан со сметаной, да и плеснула немного в тарелку с пельменями (в те времена в пельмени сметану добавляли одну чайную ложечку) – ну чтобы вкуснее было. Пустяки, как говорится, дело житейское. Но надо было видеть реакцию Батюшки.

Он весь окаменел, позеленел, почернел, покраснел, побелел – и не слова ни говоря, взял стакан и вылил остатки сметаны Матушке в тарелку! После чего встал и ушел. Немая сцена, как у Гоголя. Вместе с ними за столиком сидела какая-то студентка, немного придя в себя, она сказала Матушке: Девушка, ради бога, только не выходите за него замуж! На что маманя обреченно ответила: Да я уже вышла.

Второе воспоминание Матушки. Эту историю ей поведала Баба Ира, с которой она и после развода продолжала общаться. Случился какой-то праздник, гости и вся семья собрались за столом, ну, сидят, едят, то-се – вдруг телефонный звонок. Баба Ира подходит к трубе, говорит, и по ее разговору понятно, что звонит какая-то ее подруга из другого города, и что завтра она приезжает и просит встретиться на ж/д вокзале в Туймазах. На что бабушка отвечает, что это само собой, Батюшка подъедет и встретит, нет проблем. Кладет трубку и возвращается за стол. Ну и начинает говорить, что завтра – короче, пересказывает разговор – но тут мой папаня каменеет и металлическим голосом заявляет, что он «не

такси» и никого встречать даже и не подумает. Народ немножко при-балдел, повисла немая пауза, и тут в тишине раздаётся спокойный голос Бабы Иры: И вот поэтому, товарищи, от него ушла жена... Батюшка вновь позеленел, покраснел и побелел, молча встал, отшвырнув стул, и ушел, хлопнув дверью.

Кстати, насчет частного извоза у него всегда была принципиальная позиция, хотя после Африки он всю жизнь ездит на машине. Я сам был свидетелем того, как какой-то мужичонка просто умолял его подбросить на вокзал (это было в Москве, он опаздывал на поезд, а мы остановились в центре), но Батюшка металлическим голосом повторял как попугай: Я не такси, я не такси. Так и не взял. А чего бы, спрашивается, не помочь человеку, если по пути? Да и лишняя «трешка» не помешала бы. Нет – принцип. Однако, во времена гайдаровских реформ, когда деньги начали таять в воздухе, принципами пришлось поступиться: некоторое время он катался во Внуково, встречая и провожая людей. Вот такая фишка.

4

Ладно, о своих родителях, родственниках и друзьях я вкратце рассказал, можно возвращаться непосредственно к теме. А о чем я пишу? Правильно: о Розовом Детстве. Итак, в 67-м году я пошел в первый класс в 15-ю школу, а все мои

друзья – во 2-ю. И только детсадовский друган Борис Ширяев попал в мой класс, но я как-то особо с ним не общался, как впрочем и с другими одноклассниками. Ибо все свободное время я проводил с нашей дворовой компанией. Хотя, повторюсь, кроме Кольки с Сережкой, из того периода я помню только Рустика да Колю Вершинина со второго этажа. Я думаю, наши игры не отличались оригинальностью: мы играли в мини-футбол в беседке, гоняли на великах, прыгали по каркасам баскетбольных щитов, частенько ходили на Поляну, на Котлован, в кино на все фильмы подряд и т.д. и т.п. Пару раз я бил стекла в своем и соседнем доме, за что был нещадно порот; один раз разбил Кольке бровь камнем (опять попало), один раз меня цапнула собака – короче, воспоминания смутные и не занимающие центрального места в моем повествовании. Батюшка в это время писал диссертацию, живя то в Москве, то в Геленджике, временами наезжая к нам, Матушка жила с Мишей в его квартире, куда я ходил каждый Уикенд – все шло своим чередом.

Летом 68-го Батюшка отколол такую феньку: посадил в старый Москвич Бабу Иру, Антона, Машу и меня – и повез нас в Геленджик! Первую ночь провели в Казани у батюшкиного друга Ломоносова, вторую – в Москве (полагаю, что у тетки Натальи), а потом уже почти сутки пилили до места. А место Батюшка нарыл – обалдеешь. В те времена весь Геленджик располагался на Тонком Мысу, а на Толстом находилась закрытая взлетная полоса и... больше ничего! Кро-

ме дома батюшкиных друзей, в котором мы жили. Ну, прямо хуторок в степи! И больше никакого жилья и ни одного человека вокруг. До моря – 10 минут пешком. Правда, и берег там не подарок: скалы, острые камни и водоросли, пока в воду зайдешь – купаться расхочется. Зато никаких туристов и дикарей – красота! Так что лето я пробалдел. На обратном пути мы заезжали в Евпаторию и в Ростов-на-Дону, но это я уже смутно помню.

Прошел год. И снова мы совершили такое же путешествие, только в меньшем составе. Накупались, едем назад, останавливаемся а Москве, Баба Ира уезжает на поезде домой, а мы поселяемся в Университете в батюшкиной комнате. Проходит день, два, август кончается, и тут я, наконец, спрашиваю: А когда же мы домой поедем? А Батюшка мне отвечает: А мы никуда не поедем, теперь ты будешь жить здесь, со мной. Вот это был удар!!! И это вполне в стиле Батюшки: ничего не сказал, не предупредил, не обсудил, все сам решил – и поставил перед фактом. И попробуй возразить! А что тут возразишь? То, что моя безоблачная жизнь, мои друзья и мои интересы остались там, в Октябрьском; что эта гнусная пыльная Москва меня нисколько не интересует и на фиг не нужна? Так это он и сам прекрасно знал. И знал также, что я и слова не скажу, ибо с самого раннего детства он действовал на меня как удав на кролика. Что ж, такой характер и такое воспитание. Ведь позже он сам не раз с удовольствием рассказывал в компаниях, как приехал в отпуск

из Мали и обнаружил, что я в свои 2 с чем-то года не желаю ходить, а только быстро ползаю – и тогда он озверел и, как он выразился, «пинками» за неделю научил меня ходить. А лет в 5 он точно так же пинками посадил меня на двухколесный велосипед – это я уже сам помню. Видимо, те и многие другие пинки и затрещины глубоко засели в моем подсознании.

Одного не могу понять до сих пор: почему Батюшка забрал меня именно после второго класса, когда еще сам не обустроился в Москве, а не через год, через два, через пять? И ведь что примечательно: Матушка позже мне не раз рассказывала, что в течение муторного бракоразводного процесса, он постоянно ей твердил: Да забирай ты его, он мне абсолютно не нужен. Однако после решения суда он что-то не предлагал мне переехать к Матушке и Мише. И Баба Ира, которая в какой-то момент в его отсутствие дала слабину и поклялась Матушке, что отдаст меня ей после смерти Бабы Лиды, так и не отдала, просто из квартиры не выпустила – и все.

Вот так я оказался в ненавистой Москве, и начался совсем другой период моего Детства, далеко не розовый. Жили мы так.

Для тех, кто никогда не бывал в здании на Воробьевых горах, хочу пояснить его устройство. Оно состоит из нескольких зон: в центре зона А, где расположены аудитории, кафедры, ректораты, библиотеки, «профессорская» столовая, холлы, лифты, лестницы, зоологический музей с 25 по 30-

й этаж (выше – уже шпиль, куда доступ закрыт) и т.п.; а по бокам – зоны Б, В, Г, Д, Ж, З, Е и К, которые, собственно, и являются общагой. Четыре основные зоны представляют собой два длиннющих коридора в виде буквы Т, по бокам которых расположены блоки. Каждый блок имеет две комнаты с общей прихожей, душем и гардеробом. В конце коридоров кухни и выход на лестницу, на стыке – холл с лифтами, место вахтерши и небольшой зал высотой в два этажа, в котором стоит телеящик, несколько рядов кресел и пианино. Что ценно: на стойке у вахтерши стоял телефон, по которому не только ты, но и тебе могли позвонить: достаточно было набрать номер, сказать номер блока и количество звонков – и вахтерша добросовестно звонила, пока вызываемый абонент не приходил. К нам, например, был «один звонок», а к соседу Ломоносову – два. Удобно, верно?

Жили мы в Зоне Б на седьмом этаже в блоке 707 с видом на парк со стадионом и теннисными кортами, м. «Университет», строящийся новый цирк и расположенный по обе стороны Ломоносовского проспекта квартал так называемых «домов преподавателя». В нашей восьмиметровой комнате помещались только полуторная тахта (поперек под окном) и секретер с откидным бюро вдоль одной стены. А вдоль другой вечером Батюшка раскладывал толстые подушки с той же тахты, и на них я спал. Вот такая началась веселая жизнь. К тому же, оказавшись вырванным из-под плотной опеки бабушек – клушек, мне пришлось привыкать к самостоятель-

ности. Ведь моя новая школа находилась в глубине квартала домов преподавателя, и мне приходилось проезжать на автобусе три остановки до метро, а потом еще пешком топать. В том же районе приютился детский клуб, куда я ездил заниматься музыкой и живописью – только на одну остановку дальше. По странному совпадению, этим же летом Матушка и Миша решили уехать из Октябрьского, и после долгих ухищрений они сумели обменять свою двухкомнатную квартиру на комнату в коммуналке. Но в Питере. Куда и переехали в сентябре. И в первые же каникулы Батюшка показал мне, где вокзал, где кассы, где перрон, посадил в вагон – и вперед! Дальше я сам покупал билеты и ездил, и в Питер и в Октябрьский. Матушка с Мишей поначалу меня встречали – провожали, а потом перестали. Так я стал самостоятельным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.